

Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:

Мама мыла раму

Счастливо оставаться!

Дай на прощанье обещанье

Ох уж эта Люся

Бери и помни

Да. Нет. Не знаю

Три женщины
одного мужчины

Не девушка, а крем-брюле

Татьяна БУЛАТОВА

*Ох уж
эта Люся*

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление серии *А. Старикова*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Роман публикуется в новой редакции

Булатова, Татьяна.

Б90 Ох уж эта Люся / Татьяна Булатова. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Дочки-мате-
ри. Проза Татьяны Булатовой).

ISBN 978-5-699-83707-6

Люся из тех, о ком одни с презрением говорят «дура»,
а другие с благоговением — «святая». Вторых, конечно,
меньше.

На самом деле Люся — ангел. В смысле — ангельского
терпения и кротости человек. А еще она — врач от бога, а
эта профессия, как известно, предполагает гуманное от-
ношение к людям. Люсиным терпением, кротостью и гу-
манизмом пользуются все — пациенты, муж и дети, друзья,
друзья друзей и просто случайные знакомые. Те, кто лю-
бит ее по-настоящему, понимают: расточительно алмазом
резать стекло, если его можно огранить и любоваться. Но
сама Люся уверена: ее судьба — служить другим. Она уста-
ло стаскивает с вешалки потрепанные ангельские крылья и
покорно втискивает усталые ноги в видавшие виды башма-
ки: ее ждут, она нужна, а значит, надо спешить — поддер-
живать, помогать, спасать. Жизнь продолжается.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Федорова Т.Н., 2016

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-83707-6

Домашние называли ее Люся. Коротко и нежно. Близкие друзья — вслед за домашними. Правда, иногда ее имя звучало несколько иронически: «Ох уж эта Люся!»

Пациенты и сотрудники звали ее уважительно — Людмила Сергеевна. В обращении коллег чувствовалась дистанция, а в словах мамочек — уважительное придыхание.

Бывшие подруги и завистники (не только женского рода) между собой называли ее «эта Петрова». Зло судачили и мелко вредили. Люся была выше этих дразг и искренно недоумевала: «Кто мне поцарапал машину?»

Кстати, о машине. Как нарочно, приметного лимонного цвета и формы лопнувшего воздушного шарика. Появление авто у Люсиного подъезда вызвало нездоровое любопытство соседей и прежде любимых подруг. Не желая видеть благополучное состояние Люсиной жизни, они зафонтанировали версиями.

Первая — любовник. На самом деле никакого любовника не было. А те, кто метил на его место, сами

мечтали о подарках и самое большое, на что были способны, так это на мизерные вложения в аксессуары к автомобилю.

Версия вторая — ограбление пациентов. По совместительству Люся вела частную врачебную практику. Обыватели думали, что стоимость ее визита на дом имеет либо золотой, либо долларовый эквивалент. И тоже были не правы: брала наша докторесса по-божески. Пациенты это ценили и поэтому передавали Петрову друг другу, как драгоценную эстафетную палочку. На нее была очередь: в день порой одиннадцать-двенадцать вызовов.

Поэтому единственная объективная версия — производственная необходимость. Подчинившись ей, Люся взяла кредит, отчего количество посещений пациентов на дому резко возросло.

Враги с этим считаться не желали и сохраняли верность первым двум предположениям. Особенно воинственные, из числа бывших подруг, с нетерпением ждали появления желтой коробочки во дворе. И, пока Люся обедала, они тайком расписывались на хрупких крылышках китайского чуда техники, признаваясь тем самым в собственной зависти к той, которую раньше жалели и частенько звали к себе в гости. Вызывающей жалость она нравилась им больше. Люся об этом не задумывалась и в очередной раз гадала, откуда взялись уродливые следы на крыльях ее автомобиля.

Вообще, гадать она любила. Поэтому, невзирая на материалистический взгляд на мир, порой обра-

Ох уж эта Люся

щалась к целителям и астрологам. Делала Люся это виртуозно: отметала всю лишнюю информацию, оставляя только то, что ложилось на сердце.

— Знаешь, — говорила она близкой подруге. — Я еще раз убедилась, что моя судьба — служить людям. Он (астролог) мне так и сказал: «Вы всегда будете принадлежать кому-то, поэтому пары для вас на этом свете нет и не предвидится».

— Если это все, то с таким же успехом вы могли поговорить и со мной. Я тоже знаю, и без обращения к звездам, что вы любите свое дело, а значит, себе не принадлежите, и поэтому ни один нормальный мужик терпеть вас не будет.

— Почему?

— Потому что терпеть будет некого — вы же все время в разъездах!

— Ты права, — не без пафоса соглашалась Петрова.

Но иногда Люся взрывалась. И зрелище это было печальное: грустный ангел махал крыльями и оплакивал свою нелегкую жизнь:

— Слушай, они меня не ценят!

«Они» — это дети. Объективно под определение подходили две дочери, субъективно — гораздо большее количество человек: бывший муж, проживающий с Люсей на одной жилплощади, зять, то работающий, то неработающий, а также внучка — несчастный ребенок, полный инвалид.

О дочерях говорить даже не приходится. Они воспринимали мать только как мать и точно знали, что без поддержки не останутся: деньги всегда при ней.

— Они что, глупые?! — вопрошала Люся. — Они что, не понимают? Если со мной что-нибудь случится, с чем они останутся? Я же не железная: у меня давление, я устаю...

— Конечно, глупые. Конечно, не понимают. Конечно, не ценят. Конечно, нужно перестать заниматься благотворительностью. Конечно, пора позаботиться о себе.

Услышав положительные ответы на волнующие вопросы, Петрова быстро успокаивалась и резко переходила к другой части разговора. Причем тема ее не всегда совпадала с предыдущей.

Правду сказать, Люся жаловалась крайне редко, по большей части все свои тревоги и беды носила в себе, тщательно упаковав их в ячейку «повседневное». Это «повседневное» она отодвигала отработанным жестом, всю себя посвящая работе. Что-что, а работать Люся любила.

— Понимаешь, дело не в деньгах. Мне это нравится. Честно.

Подруга нисколько не сомневалась, потому что неоднократно оказывалась свидетелем ситуаций, когда работой можно было бы и пренебречь, но Люся этого не делала. Телефон отключала максимум на час. Все остальное время аппарат работал в режиме правительственной связи: Люся откликалась на любой вызов.

Телефон в жизни этой занятой женщины играл огромную роль. По нему она принимала заявки на вызовы, заочно консультировала, уточняла назначе-

ния, успокаивала, рекомендовала... При этом Люся вела активную переписку, не только деловую, но и личную. Ее эсэмэс-послания летели в разные концы города, заочно связывая неожиданно большое количество людей, ни разу друг друга не видевших. К тому же в Люсином телефоне находилось место для фотографий дорогих ее сердцу родственников (дочки — внучка) и картинкам отчетливо подросткового содержания: ангелы с крылышками, целующиеся в воде молодые люди, иллюстрированные анекдоты пикантного свойства и многое другое. Единственная слабость ее мобильного помощника заключалась в том, что он не всегда догадывался, какую фамилию из списка вывести на табло, чтобы ускорить контакт. Тогда Люся сердилась, нервно тыкала в кнопки и клялась купить второй телефон, чтобы окончательно разделить жизнь рабочую и личную.

Нервничать, конечно, было ни к чему. Все равно бы ничего не получилось. Еще и потому, что многие деловые контакты переходили в разряд окончательно и бесповоротно личных. Так случалось в ее жизни неоднократно, и так Люся обрела некоторых близких друзей.

В отличие от других врачей она не боялась вступать с пациентами в обыкновенные человеческие отношения, чем изрядно усложняла себе жизнь. Друзей сложно лечить: они задают вопросы, забывают про субординацию и начинают спорить. Одним словом, ведут себя недисциплинированно. Но Люся настолько ценила дружбу, что закрывала на это глаза и даже

иногда покрикивала на особенно зарвавшихся, обещая отправить тех к узким специалистам. Обещание действовало на них как холодный душ. Друзья пугались и с дрожью в голосе спрашивали: «Что, настолько все плохо, что нужен узкий специалист?» Люся в дебаты не вступала, холодно отрезая: «Решайте сами». Пациент-друг на том конце провода обмирал, но процесс не доходил до логического конца, потому что Люся расстраивалась от собственной жесткости и звонила сама. В итоге — лечение возобновлялось.

Было среди друзей-пациентов несколько, находившихся на особом положении. Всех не упомянуть, но об одной следует сказать. Назовем эту особу младшей подругой. Сама Люся неоднократно говорила, что они с нею — из одного теста, несмотря на разницу в возрасте. Друг с другом подружки обсуждали вопросы самого разного свойства, в том числе интимного. Общение их было удивительно приятным и во всех отношениях выгодным: девочки поддерживали друг друга психологически, делились не только горем, но и радостью, не боялись признаваться в нелепых страхах и, как им казалось, в страшных грехах.

Именно этой подруге Люся рассказала о своем детстве, вспоминать о котором не любила. Всегда отводила взгляд и информацию выдавала скороговоркой: мама ушла, папина семья, боюсь пьяных, ненавижу одиночество...

Родилась Петрова не в дворянской семье, это точно. Мама не просто ушла — исчезла в неизвестном

Ох уж эта Люся

направлении без следа. Кто была эта женщина по национальности, по профессии, по образу мыслей? Какая теперь разница! Главное, что все Люсины попытки отыскать ее заканчивались неудачей. Петрова объезжала один за другим шахтерские города, часами простаивала около киосков Горсправки, зажимала влажными ладонями бумажки с адресами, на попутках добиралась до окраин донбасских полукриминальных поселков, даже на «кукурузнике» летала в какое-то богом забытое место. Все тщетно.

В официальной биографии Петровой вопрос о происхождении освещался со слов мамы Лены, которую девочка до семи лет считала родной. В этой истории были все составляющие рассказов о найденных, известных человечеству по мифам и мыльным операм. Звонок в дверь. За ней — никого. А на коврике — кулек с сопящим младенцем и запиской, приколотой булавкой к байковому одеяльцу.

Мама Лена самопальный документ не сохранила, но общий смысл помнила: «Самой мне девочку не поднять. Отец (любвеобильный Серега Петров) сможет о ней лучше позаботиться. Никаких претензий к усыновителям иметь не буду».

Так звучала заученная официальная версия. Но кроме нее существовала несанкционированная детская память, полная нечетких воспоминаний и размытых образов.

Маленькая Люся — в песочнице. К ней направляются незнакомая женщина. В глазах ее — слезы, в руках — шикарная по тем временам кукла, которую она

протягивает Люсе. И вот кукла — в руках у девочки, и она даже не замечает, как незнакомка судорожно хватает и ощупывает теплые детские ручки, что-то пытается произнести дрожащими губами. Зато это замечает стоящая у окна Другая. Ее-то Люся и знает как настоящую маму. Ее-то крик она и слышит, ее-то руки и отталкивают фею, приносящую детям подарки, вырывают нарядное целлулоидное чудо и бросают в огромную лужу. «Мама, зачем? Не надо! Отдай!» — истошно кричит девочка. Захлебывается слезами. Тянется к кукле. Мир вокруг расплывается, и Люся, конечно, не видит, как вздрагивает чужая женщина от криков мамы Лены: «Тварь! Тварь! Ты же обещала! Ты обещала!» (Позже детский врач Людмила Сергеевна отметит, что именно с этого момента и началась ее тесная «дружба» с очками, без которых образ ее немыслим в принципе. И правда, когда Петрова их снимала, все вокруг смущались. Им казалось, она плачет.)

По законам жанра, у Люси должна была приключиться истерика или начаться заикание, на худой конец — подняться температура. Ничего подобного не произошло. Росла она, практически не болея, как-то незаметно и бесхлопотно. Может быть, поэтому родственники по отцовской линии с такой готовностью брали девочку к себе погостить. Люся не требовала внимания, не озорничала, не плакала, не просила подарков. Девочка была и не была одновременно. Ростом не больше стола, в спустившихся колготках и задранным платье, в очках, она молчаливо стояла,

Ох уж эта Люся

прижав к себе куклу. Игрушка часто была раздетой, часто перевернутой вниз головой, часто неполной — без руки или ноги. Создавалось ощущение, что Люсе просто было важно примыкать хоть к кому-то. И даже когда тетя или дядя притягивали к себе девочку, она не выпускала из рук этот целлулоидный поплавок, удерживающий ее на поверхности жизни.

Гостить у отцовских родственников Люсе нравилось — там было тихо и, как ей казалось, богато. Но вспоминалось только одно: свисающая бахрома скатерти, сквозь которую виднелись разрезанные на тонкие вертикальные полоски куски обоев, ножики серванта, круглые теткинны колени и темнота коридора.

С темнотой у Петровой сложились особые отношения. Темнота поглотила ее раннее дотрехлетнее детство. Оно так и осталось лежать в холодной кровати, дрожать и поскуливать. Из-под двери — полоска света, приглушенные голоса, иногда даже хихиканье. Детство зовет, чтобы кто-то был рядом, чтобы не так страшно и одиноко. Детство никто не слышит. Ночь. За окном — луна. Ветви дерева качаются — по толку причудливые тени.

— *Никогда не хотела бы иметь квартиру на первых трех этажах.*

— *Это почему это?*

— *За окнами — деревья.*

— *Ну и что деревья?*

— *Не люблю.*

«Не люблю» — это ни о чем. Это отговорка, уловка. Как объяснить подруге, что деревья за ночным окном — это ужас, переживаемый в одиночестве. Нет, это само одиночество, протягивающее к тебе узловатые пальцы-крючки. Взрослая Люся панически боялась незашторенных окон и твердо верила, что *«нельзя оставлять детей одних в темной комнате, пока не уснули»*. И правда, со своими сидела до того самого момента, пока не услышит их мерное сопение.

Если родственники отца Люсю жаловали (потому что Серегина, родная), то о родственниках мамы Лены такого сказать было нельзя (Петровская, чужая). За нарядным столом обносили девочку лучшим куском, хлопали по ручке, чтобы не тянулась к вкусному («и так своим не хватает»), с легкостью отталкивали и зло осматривали. Сама Лена падчерицу защищала: у них была общая фамилия — Петровы, общий быт и общий интерес к мужчине. Обе женщины его боялись: одна — что бросит, другая — что убьет.

Небезызвестный Серега Петров обладал сильной половой конституцией, мощным инстинктом размножения, необузданным темпераментом, алкоголизмом и всеми замашками разбойника с большой дороги. Нет, старший Петров не был уголовником. Он был шахтером, выдвиженцем, прошедшим путь от рабочего в забое до начальника смены, а потом и участка. Последняя должность одарила его собственной квартирой, переездом в крупный шахтерский

центр и огромными, как казалось его товарищам, деньжищами. Чего греха таить? Деньги действительно были немалые. Но какие-то несчастливые это были деньги для многочисленных Серегиных семейств — горькие и безрадостные.

Не был Серега Петров и обыкновенным ловцом женских сердец, этаким донбасским Казановой. Все его отношения с женщинами строились всерьез и надолго и основывались на мощнейшей идейной мотивации: «должна от меня родить». И ведь рожали. Потом Серега уходил к другой. Как правило, доживающей последние дни в браке или разведенной. Вили гнездо. В нем, кстати, находилось место и для птенцов прежних пометов. Петров брал детей на содержание, кормил досыта, но и гонял беспощадно. Между приемами пищи и разборками с прежними возлюбленными творилась любовь с новой избранницей. В результате обозначалась беременность, и мечтающий об очередном отцовстве Серега какое-то время считал себя совершенно счастливым. Счастье длилось недолго, с момента рождения ребенка года три, максимум пять. А потом Петров начинал скучать, впадал в очередной брачный период и под девизом «она должна от меня родить» начинал вить новое гнездо.

Мама Лена, хотя и имела троих детей от первого брака, родить от Петрова не сумела. Утрату интереса к себе она почувствовала давно, догадывалась и об изменах Сергея, но к Люсе продолжала относиться по-прежнему ласково. «Эта девочка — ключ к сердцу